

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ДЕМЧЕНКО А. А. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.
НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ (1859–1889).
М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2019. 687 С.**

Елена Валерьевна Бессчетнова

Кандидат философских наук, заместитель заведующего
Международной лаборатории исследований
русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ,
преподаватель школы философии НИУ ВШЭ.
E-mail: ebesschetnova@hse.ru

Одним из заметных событий начала 2019 г. стала публикация второго тома уникальной научной биографии Н. Г. Чернышевского, автор которой — замечательный исследователь Адольф Андреевич Демченко (1938–2016). Это имя хорошо известно исследователям наследия мыслителя. Профессор Демченко — советский и российский литературовед, биограф Чернышевского, в последние годы жизни работал в Институте филологии и журналистики Саратовского государственного университета. Чернышевский всегда занимал центральное место в профессиональной жизни Демченко. Он был одним из инициаторов и академическим руководителем Международных научных чтений «Н. Г. Чернышевский и его эпоха» в Музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского. Также исследователь защитил кандидатскую и докторскую диссертации, посвященные проблемам научной биографии Чернышевского, читал лекционные курсы о наследии мыслителя («Н. Г. Чернышевский и русская литература», «Н. Г. Чернышевский: судьба, личность, творчество»). Именно Демченко подготовил к публикации сборник о Чернышевском в серии «Pro et contra» (2008), а также еще один репрезентативный сборник «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников» (1982).

Первое, неполное, издание научной биография Чернышевского авторства Демченко было опубликовано в четырех томах в течение 1978–1994 гг. в Саратове. Именно на это издание ссылается В. К. Кантор в своей ставшей уже культовой книге «Срубленное древо жизни. Судьба Н. Г. Чернышевского» (2016). Но, к сожалению, первое издание было доступно только узкому научному кругу. Ситуация изменилась благодаря деятельности профессора Владимира Кантора и известного издателя Светланы Левит, которая в 2015 г. в своей авторской серии Humanitas опубликовала полную версию первых двух частей научной биографии молодого Чернышевского (1828–1858).

В первом томе на основе огромного количества редких архивных материалов подробно описан период становления будущего мыслителя: рассмотрены отно-

шения в семье Чернышевских, в особенности отца и сына, годы, проведенные Чернышевским в семинарии, университете, его знакомство с Н. А. Некрасовым, женитьба и переезд из Саратова в Санкт-Петербург, первые годы в «Современнике». Эта книга вызвала огромный резонанс в академической среде, последовало множество положительных отзывов как от специалистов, занимающихся историей русской литературы и философией XIX в., так и от образованных читателей, интересующихся историей русской культуры. Демченко действительно провел огромную работу и подготовил, наверное, самую подробную интеллектуальную биографию Чернышевского, аналогов которой в настоящее время не существует.

И вот наконец в 2019 г. в серии Humanitas Светланы Левит при академическом руководстве Владимира Кантора вышел второй том научной биографии писателя. Он включил в себя подробный разбор ключевых событий в жизни Николая Чернышевского, публициста, мыслителя, писателя и одного из уникальных представителей русской культуры второй половины XIX в. Книга состоит из двух частей. Первая посвящена самому деятельному периоду в жизни Чернышевского, когда он вел активную общественную деятельность и руководил «Современником», одним из ведущих журналов России второй половины XIX столетия. Вторая часть тома — это подробное описание переживания самых сложных событий в жизни Чернышевского: ареста, пребывания в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, суда, каторги и борьбы за жизнь во время поселения в сибирском Вилюйске и недолгие годы свободы в Астрахани и Саратове после помилования.

Стоит отметить, что на сегодняшний день аналогов исследования Демченко не существует, это единственный фундаментальный труд, в котором на основе редких материалов (неизданных писем, заметок, статей, дневниковых записей и черновиков) реконструирован контекст эпохи. Подробно описаны отношения Чернышевского с современниками, оказавшими непосредственное влияние не только на формирование общественно-политических и экономических взглядов мыслителя, но и непосредственно на его судьбу.

Основная фигура этого плана — А. И. Герцен. Именно со знаменитой полемики Чернышевского и Герцена, оставшейся в русской культуре в форме двух принципиально различных вопросов: «Что делать?» и «Кто виноват?», начинается второй том. Идейное противостояние мыслителей заняло центральное место в интеллектуальной жизни России. Демченко блестяще показал, каким образом в полемику были вовлечены и другие представители русской интеллигенции, в частности, К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, Н. П. Огарев и Б. Н. Чичерин. «Колокол» и «Современник» — два издания, которые, на первый взгляд, имели схожую программу и цели и, как пишет Демченко, «должны были соединить усилия

в общем деле видеть Россию обновленной» (12). Но в действительности Герцен и Чернышевский желали совершенно разных по характеру изменений и обновлений. Демченко справедливо отмечает, что «уже первые политические обзоры, начатые Чернышевским с январской книжки “Современника” за 1859 г., показали, сколь различно решались им и Герценом узловые проблемы отечественной и зарубежной жизни» (Там же). Молодой Герцен ставку делал на уничтожение самодержавия в России, призывал к революции, надеясь, что ее движущей силой станет интеллектуальная элита. Но события 1848–1849 гг. в Европе заставили его поменять взгляды: он своими глазами увидел, как движущей силой революции стали бессознательные народные массы. Герцен называл этот период гибелью революции на Западе и началом разложения Европы. У него не осталось никакой надежды на «общественное преобразование» в Европе, что видно по брошюрам «Старый мир и Россия» (1854) и «Франция или Англия» (1858). Чернышевский же противопоставил Герцену взгляд прогрессиста на ход истории, отметив, что исторический процесс совершается медленно и являет собою смену периодов реакционных революционными периодами, под которыми он понимал не бессмысленный и беспощадный бунт, а «светлую эпоху одушевленной работы» (14). Демченко резюмировал анализ полемики Герцена и Чернышевского по данному вопросу: «Герцен — за Россию мирного развития, реформ, улучшений, Россию, “спокойно вступающую на путь экономической революции” без политических потрясений. Чернышевский, напротив, твердо убежден, что характер исторического прогресса предполагает скачкообразное, революционное движение» (14). Автор также противопоставил позицию Герцена как либерала позиции Чернышевского как представителя мнения если не «революционной партии», то немногочисленной группы «радикально настроенных демократов». Такой вывод о радикальном характере взглядов Чернышевского, безусловно, связан с традиционной трактовкой Чернышевского как революционного демократа, укрепившейся в советский период. Демченко, работая над книгой в 1970–1990-е гг., фактически не мог выйти за рамки данной парадигмы. При этом сделанная исследователем подборка цитат из статей и писем Чернышевского свидетельствует, что даже если мыслитель и использовал условно революционную терминологию, то под революцией он понимал не инструмент быстрого уничтожения господствующей формы правления. Революция для Чернышевского — это «благородный порыв», «переход на качественно новую ступень», которому предшествуют долгие годы нравственного становления отдельно взятой личности и общества. Мыслитель был убежден, что революция делается не на площадях, а в умах. Поэтому, как справедливо отметил Демченко, Чернышевский не принимал издательскую стратегию «Колокола», которая в книге ярко проиллюстрирована цитатой: «Мы хотели быть протестом России, ее криком освобождения и криком боли, мы хотели

быть обличителями злодеев, останавливающих успех, грабящих народ, — мы их тащили на лобное место, мы их делали смешными, мы хотели быть не только мстью русского человека, но его иронией — не больше» (15).

Чернышевский в статьях никогда не выступал с публичным, открытым протестом против оппонентов, он видел в «Современнике» критический журнал, трактуя понятие «критика» в кантовском духе, как анализ. Демченко на примере полемики с Чичериным, поводом для которой стали статьи Герцена, показывает, как мастерски Чернышевский это делает: критик дает детальный разбор взглядов обоих мыслителей, обращаясь к «проницательному читателю» и не выступая открыто против их взглядов, призывая делать самостоятельные выводы, которые позволят по-новому оценить ситуацию. Интересно, что призыв к анализу и самостоятельной переоценке ценностей Чернышевский видел в речах Христа, который никогда не критиковал рабство; однако вся система ценностей, которую Он проповедовал, направлена против института рабства, поскольку человек понимается как любимое творение Бога. Такой подход оказался чрезвычайно плодотворным, и Чернышевский как сын православного священника и бывший семинарист это прекрасно понимал.

Кроме того, Демченко детально восстановил детали поездки Чернышевского в Лондон к Герцену, привел примеры из воспоминаний современников об их встрече, доказывающие идейную пропасть между двумя мыслителями. Данная встреча и контакт с Герценом сыграли роковую роль в судьбе Чернышевского: именно это и стало поводом к его аресту. Демченко также показал, что после встречи с Герценом Чернышевский усилил теоретическое оснащение «Современника» как демократического издания, объединявшего «передовые силы освободительного движения в стране» (69). В этот период Чернышевский написал основные статьи на основе исторических, политико-экономических, социологических исследований причин и последствий преобразования жизни в России. В 1859–1860 гг. Чернышевский занимался переводом «Истории восемнадцатого столетия» Шлоссера. Демченко подчеркнул, что выбор Чернышевского не случаен: именно в этой работе мыслитель увидел идеи, которые раскрывали его собственное понимание прогресса. В книге неоднократно подчеркивается, что Чернышевский главную задачу Шлоссера видел в попытке показать «тщетные старания восстановить старый порядок вещей, даже с его внешнею формою, историю переменчивой судьбы защитников народных прав и противников их историю борьбы эгоизма, упрямства и суеверия против мечтательной филантропии, борьбы эгоизма, упрямства и суеверия против мечтательной филантропии, борьбы истинного одушевления в пользу совершенствования человечества против неверия, тщеславия, дерзости и пошлости, которые скрывают свои бедственные намерения под блестящими предложениями и словами» (73).

Продолжая тему творческой работы Чернышевского, Демченко подробно разобрал контекст работы мыслителя над переводами труда Джона Стюарта Милля «О свободе» и комментариями к нему и собственной ключевой философской статьей «Антропологический принцип в философии». В ней Чернышевский провозгласил целостность человеческой жизни, единство психического и физического, говорил об особой ценности человеческого достоинства, то есть, словами В. В. Зеньковского, о культе человека в человечестве. Интересно, что антропология Чернышевского формировалась в диалоге с П. Л. Лавровым. На этом факте исследователь задержался специально, показав, в каких пунктах идеи мыслителей совпадали, а в каких расходились. Он назвал обоих прогрессивными деятелями эпохи и поставил их в один ряд. Демченко также подчеркнул, что незадолго до ареста Чернышевского они с Лавровым сблизились, и привел в пример слова Лаврова о главном редакторе «Современника»: «Его уважало все мыслящее в России, все искренно желавшее блага России» (81). Также в книге уделено внимание политико-экономическим трудам Чернышевского, причем подчеркивается, что ее герой настаивал на детальном изучении феномена сельской общины. Отмечу, что Чернышевский в работах использовал термин «земледелец» вместо «крестьянин», тем самым делая акцент на особом характере экономики России.

Демченко этот момент разобрал подробно, подчеркивая, что Чернышевский считал вопрос о земледельческом быте важнейшим для России. Мыслитель писал, что Россия «надолго останется государством по преимуществу земледельческим, так что судьба огромного большинства нашего племени долго еще — целые века — будет зависеть, как зависит теперь, от сельскохозяйственного производства» (85). Демченко цитирует и другой фрагмент, иллюстрирующий точку зрения Чернышевского на общину как «спасительное учреждение от бедности и бездомности» (85).

Иными словами, автор научной биографии пытался донести до читателя простую мысль, что Чернышевский заботился прежде всего о благе народа. Он понимал, что земля после отмены крепостного права может остаться за крестьянином только при сохранении сельской общины. Сохранение земли за крестьянином было необходимым условием качественного изменения его положения, жизни и отношения к себе, перехода из статуса раба в статус свободного земледельца и гражданина. Стоит отметить, что Чернышевский был одним из немногих, кто понял, что готовящаяся реформа по разрешению крестьянского вопроса пойдет по другому пути, и за два года до Манифеста прекратил публикации по данному вопросу. Демченко проиллюстрировал дальновидность Чернышевского, приведя разговор с Некрасовым, где тот возмущался дарованной крестьянам волей, на что Чернышевский спокойно ответил: «А вы чего же ждали? Давно было ясно, что будет именно это» (115). Кроме того, в книге блестяще изображены порефор-

менные события, которых и опасался Чернышевский: поднялась волна народного возмущения, один из бунтов был жестоко подавлен.

В книге также раскрывается интересный сюжет, связанный с не пропущенными цензурой «Письмами без адреса» Чернышевского. Адресатом их был император. По сути, как справедливо отметил Демченко, это была попытка подсказать правительству ход действий, чтобы совместно спасти государство от смуты. И, безусловно, шаг не радикально настроенного революционера, стремящегося любой ценой свергнуть самодержавие, а мыслителя, чьей целью являлось благо России, ее народа, заключающееся в счастливой и добродетельной жизни.

И в этом, безусловно, Чернышевский — идейный ученик Аристотеля. Действительно, он хотел быть прежде всего исследователем, а самое главное — учителем, наставником человека на пути личностного развития. Иными словами, центральным пунктом его учения стал не новый строй, а новый человек. Чернышевский вслед за Аристотелем отделял «должное» от «сущего», идеал от действительности. Благо для него не было трансцендентным и труднодостижимым: оно имманентно и существует в материальном мире в виде отдельных добродетелей. Именно эти идеи сделали Чернышевского кумиром прогрессивной молодежи 1940–1950-х гг. Но при этом не все смогли осознать степень возложенной ответственности и увлеклись радикальными настроениями, что сыграло, как показал Демченко, роковую роль в судьбе Чернышевского. Имя мыслителя не только правительство, но и многие интеллектуалы, в частности Ф. М. Достоевский, связали со студенческими волнениями.

Интересно, что основанный на воспоминаниях современников анализ встречи Чернышевского и Достоевского в этот период в книге Демченко отличается от анализа, данного В. К. Кантором в книге о Чернышевском. Если Кантор все же идейно сближает Чернышевского и Достоевского, то Демченко, напротив, делает акцент на том, что они друг друга не поняли, шли параллельными путями. Отмечу, что в книге Демченко также подробно разобраны идейные расхождения Чернышевского и Толстого по общественно-литературным проблемам. Но при этом оба мыслителя и писателя все же совпали в вопросах педагогики, а именно устройства народных школ. Интеллектуальные связи Чернышевского, описанные Демченко, показывают, насколько знаковой фигурой он был для своего времени. Совершенно безосновательно многими современными исследователями Чернышевский отодвинут во второй эшелон философов и писателей XIX столетия.

В конце первой части Демченко логическим путем подводит нас к пониманию того, что идеи Чернышевского не могли не рассматриваться властью в качестве угрозы. Но если П. Я. Чаадаев, призывавший Россию пробудиться от сна, был объявлен сумасшедшим, то с Чернышевским поступили гораздо жестче. В книге

детально реконструируются события ареста Чернышевского, его пребывание на каторге, одинокая жизнь в Вилюйске и последние годы жизни. Стоит отметить, что в данной работе впервые подробно, на основе редких архивных материалов показаны детали судебного процесса по делу Чернышевского, вынесенного ему обвинительного приговора, но самое главное — доноса Всеволода Костомарова. Демченко очень осторожен в изложении, избегает оценочных суждений, описание каждого этапа сопровождается детальным разбором официальных документов, писем и дневниковых записей участников событий, что весьма ценно для настоящего исследователя, цель которого — поиск истины. Но все же авторская позиция понятна, она подчеркнута в формулировке политической и юридической цели доноса на Чернышевского: «обвинить редактора “Современника” в духовном развращении молодого поколения, которое, сочиняя прокламации, прямо следовало за своим учителем» (267). Обвинение Чернышевского аналогично обвинению, выдвинутому Сократу. Кроме того, Демченко целый раздел посвятил отзывам современников о «гражданской казни». Среди них едва ли не самый ценный отклик принадлежал С. М. Соловьеву. Убежденный государственный деятель, принимавший идеи революционных радикалов 1860-х гг., он был до крайности возмущен арестом и ссылкой Чернышевского и открыто говорил об этом, что впоследствии подчеркивал его сын, философ В. С. Соловьев. Также стоит отметить, что, описывая арест и заточение в Петропавловской крепости, Демченко неоднократно подчеркивает, что Чернышевский и здесь не переставал работать. Напомню, что в Алексеевском равелине писатель создал знаменитый роман «Что делать?».

Вторая часть книги посвящена самому сложному периоду жизни Чернышевского, его постоянной борьбе за выживание, усилиям не уйти в подполье, не отказаться от духовно-нравственных установок, которые он усвоил еще в детстве и принял за основу своего бытия. Демченко подчеркнул, что, несмотря на физически тяжелые условия существования, «ни в письмах к родным, ни в официальных обращениях к властям, ни в беседах с кем бы то ни было нет жалоб на разрушенную судьбу» (325). Данный тезис подтверждается многочисленными примерами из переписки Чернышевского. Демченко детально реконструировал тяжелый путь на каторгу, а также работу на Кадаинском руднике и Александровском заводе. Едва ли не впервые в книге уделено внимание подробному описанию сокаторжников Чернышевского. Стоит отметить, что они не были убийцами или ворами: в ближайшем окружении Чернышевского оказались в основном такие же, как и он, политические преступники, например, товарищ по университету и работе в «Современнике» М. Л. Михайлов. Демченко также подробно описал библиотеку Чернышевского и его литературную работу, которую он не забросил даже на каторге. Также детально воссоздана

и жизнь Чернышевского в Вилюйске. Демченко раскрывает малоизвестные детали пребывания в остроге, такие как, например, попытка освобождения мыслителя, предпринятая Ипполитом Мышкиным. Автор акцентировал стремление писателя сохранить себя, не потерять как личность. Он много читал, и это было его единственным утешением.

Последние главы исследования посвящены переводу Чернышевского в Астрахань, встрече с семьей и долгожданному возвращению в Саратов. Как в Астрахани, так и в Саратове Чернышевский продолжал реализовывать свои творческие замыслы, переводил «Всеобщую историю» Вебера. Демченко на основе воспоминаний современников даже выдвинул предположение, что Чернышевский планировал вернуться к издательской деятельности, в частности, «переехать на жительство в Москву, взять в свои руки “Русскую мысль”» (647), но болезнь помешала реализовать задуманное.

Чернышевский умер довольно молодым, полным планов и желания жить, но годы каторги и жизни в нечеловеческих условиях в Вилюйске не могли пройти бесследно. Демченко привел последние слова Чернышевского со ссылкой на письма М. Н. Пыпина: «Странное дело — в этой книге ни разу не упоминается о Боге» (672). О какой книге шла речь, неизвестно. Но все-таки есть соблазн воспринять эти слова как предвидение того, что вскоре о нем будет создан миф как о радикале, материалисте и атеисте. Иными словами, Чернышевский угадал характер будущих трактовок его собственной «книги» жизни и творчества, из которой грядущее поколение революционеров и демократов вычеркнет любое упоминание о Боге.

Демченко подробно на вопросе о религиозности мыслителя не останавливается. Все-таки главной его целью была не новая трактовка творчества Чернышевского, выходящая за рамки традиционного советского представления о мыслителе. Исследователю было важно показать масштаб личности Чернышевского. Автор книги, несомненно, согласен с мнением Н. А. Бердяева, назвавшего мыслителя примером нравственного капитала России, одним из лучших ее людей, близким к святости. Собственно, детальная реконструкция жизни Чернышевского, данная Демченко, действительно подтверждает, что слова Бердяева верны.

АДМИНИСТРАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРОД САРАТОВ»

УПРАВЛЕНИЕ ПО КУЛЬТУРЕ

410600, г. Саратов, просп. им. Кирова С.М., 29, тел./факс: (8452) 26-33-67,
e-mail: uprkultura@mail.ru

31.01.2019 № 03-20/170

На _____ от _____

Доктору философских наук,
профессору НИУ ВШЭ,
заведующему Международной
лабораторией исследований русско-
европейского интеллектуального
диалога

Кантору В.К.

Уважаемый Владимир Карлович!

Управление по культуре администрации муниципального образования «Город Саратов» выражает Вам благодарность за большой личный вклад в дело популяризации имени нашего земляка, русского философа, публициста и писателя Николая Гавриловича Чернышевского, и активное участие в научных и просветительских проектах муниципального учреждения «Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского».

Желаем Вам дальнейших успехов в научной деятельности, мира и благополучия.

Начальник управления

М.В. Макуров

Управление по культуре администрации МО «Город Саратов»
Муниципальное учреждение культуры
"Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского"

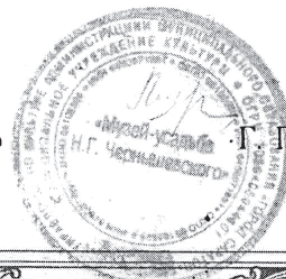
ВЫРАЖАЕМ БЛАГОДАРНОСТЬ

доктору философских наук, профессору

Кантору Владимиру Карловичу

*многолетнему другу Музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского,
внесшему значимый вклад в дело научного изучения жизни
и деятельности Н.Г. Чернышевского, оказавшему неоценимую
помощь с переизданием труда профессора А.А. Демченко
«Н.Г. Чернышевский. Научная биография»,
постоянному участнику Международных научных чтений
«Н.Г. Чернышевский и его эпоха» и их популяризатору.*

Директор
Музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского

Г. П. Муренина